

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

А. П. Чеховъ въ разные годы своей жизни.

Домъ А. П. въ Мелиховѣ.

Въ Мелиховѣ.

Встрѣтился мнѣ однажды въ вагонѣ желѣзной дороги одинъ мой знакомый—владѣлецъ небольшой фабрики около Лопасни,—человѣкъ простой, пожилой ужъ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ:—Какъ поживаете?—Надолго ли въ Москву ѣдете?—я спросилъ его.

— А далеко отъ васъ Мелихово?

— Мелихово?—оживился старикъ,—да рядомъ,—это бывшее имѣніе Антона Павловича Чехова. Совсѣмъ рядомъ. Антона Павловича, покойника, знавалъ хорошо, бывалъ онъ не разъ и у меня,—дочь мою лѣчилъ... Школу онъ намъ построилъ и попечителемъ надъ ней былъ. Деликатный былъ баринъ, добрѣющій, кроткій, много добра по округѣ сдѣлалъ. Любили его... Да вотъ случай какой былъ у него съ крестьянами: какъ разъ на межѣ Чеховскаго имѣнія былъ у крестьянъ прогонъ для скота,—узкое мѣсто,—такъ что скотина, можно сказать, бока себѣ обдираала объ изгороди. А когда пріобрѣлъ эту землю Антонъ Павловичъ, мужики и стали подумывать,—какъ бы обратиться къ новому помѣщику,

чтобы расширилъ прогонъ, да побаивались: кто его знаетъ, что за человѣкъ?—какъ бы хуже чего не вышло.

Наконецъ рѣшились;—приходятъ.

— Что вамъ нужно?—серьезно такъ спрашиваетъ Антонъ Павловичъ.

— Да вотъ насчетъ выгона,—говорять,—очень ужъ прогонъ узокъ, скотина бока портить объ изгороди. Кабы на аршинчикъ прибавить...

— Это невозможно,—заявляетъ Антонъ Павловичъ.

«Такъ оно и есть,—думаютъ мужики,—ничего не выйдетъ; баринъ строгій».

— На аршинъ говорите?—переспрашиваетъ Антонъ Павловичъ,—ничего не выйдетъ.

И замолчалъ, стоитъ, задумался.

Мнутя мужики, и хоть бы и уходить впору.

— Аршиномъ тутъ ничего не сдѣлаешь, я вотъ велю изгородь-то на сажень отодвинуть, тогда просторнѣе будетъ.

Мужики сначала рты разинули, а потомъ давай благодарить Антона Павловича. Большой души былъ человѣкъ,—добавилъ фабрикантъ и замолчалъ.

— Что же, красивое это мѣсто Мелихово?—спрашиваю я.

— Гдѣ тамъ!—махнулъ рукой старикъ,—низина; тамъ-то должно быть, и нездоровье себѣ получилъ покойный. Воды проточной нѣтъ,—такъ,—прудочки. А покойный любилъ рыбку половить, потому что часто я его видалъ съ удочкой на берегу пруда. Какъ-то разъ я и говорю кому-то изъ родственниковъ его: вотъ кабы имѣнье-то на рѣчкѣ было, оно насчетъ рыбной ловли куда лучше. А мнѣ и говорятъ: развѣ Антону Павловичу рыба нужна?—просто тамъ ему никто не мѣшаетъ думать... Умственный человѣкъ былъ...—Старикъ долго сидѣлъ молча, опираясь подбородкомъ на толстую суковатую палку.

— Я и отца его, Павла Егоровича, знавалъ,—снова началъ старикъ.—Исторія это была у Антона Павловича съ отцомъ-то. Комната Антона Павловича окнами

выходила въ густую-прегустую аллею, которая вела къ пруду, темно въ комнатѣ отъ деревьевъ было. Вотъ какъ-то разъ Антонъ Павловичъ уѣхалъ въ Москву, а Павелъ Егоровичъ возьми да и подчисти деревья, всѣ нижніе сучьи обрубилъ, только однѣ верхушки оставилъ, а тутъ и елки росли. Жалѣючи сына, значить,—чтобы ему свѣтлѣе было и солнышко заглядывало бы къ нему. Господи, что было, какъ вернулся Антонъ Павловичъ! Испортили вы, говорить деревья, не вынесутъ, погибнутъ. Любилъ покойный всякія насажденія, какъ къ живому человѣку къ нимъ относился. Цвѣтовъ это сколько было у него. Часто видалъ самого его съ лопатой. Самъ работалъ, да и братьевъ или кто изъ гостей пріѣзжалъ, заставлялъ работать въ саду. Недѣли двѣ, поди, не говорилъ съ отцомъ, а потомъ обошелся: видить, что дѣла не поправить, да и отецъ сдѣлалъ это, любя его.

— Говорять, Антонъ Павловичъ недорого купилъ это имѣніе?—спросилъ я.

— Какое тамъ недорого. Земли всей десятинь около 200, а лѣсу дѣльнаго мало, больше молодятникъ. Какъ покупалъ покойный, такъ ему, рассказывали,—чужой лѣсъ показали. Многое устроилъ въ этомъ имѣніи Антонъ Павловичъ, образилъ его какъ слѣдуетъ... И теперь все, какъ попрежнему,—и флигерекъ тотъ цѣль, который построилъ покойный, въ родѣ какъ кельи, что ль, для своихъ занятій... Все какъ было.

— И дороги же у насъ убивственныя.—Вмѣшался въ нашъ разговоръ сосѣдъ, тоже ѣхавшій изъ Лопасни;—отъ Мелихова до станціи версть 10 будетъ, а въ распутицу жизнь проклянешь, ѣхавши. Какъ-то ѣду я осенью въ телѣгѣ; верстахъ въ пяти не доѣзжая до станціи, наѣзжаю на Антона Павловича, вижу—тарантасъ у нихъ поломался, ѣхать дальше невозможно, а онъ съ сыномъ ѣхалъ-то, такъ я и довезъ ихъ до станціи въ телѣгѣ.

— Пойдите, вы говорите съ сыномъ,—а вѣдь дѣтей-то у него не было,—поправилъ я его.

— А кто его знает, — можетъ съ сыномъ, а можетъ съ сродственникомъ какимъ, — такъ паренекъ былъ съ нимъ, изъ учениковъ въ родѣ...

Подъѣзжали къ Москвѣ.

— Да, — повторилъ фабрикантъ, — большой души былъ человекъ, только убрался рано. Говорится: хорошіе люди и Богу нужны, — а все-таки жаль. Поживи онъ лѣтъ съ 15-ть еще, можетъ какъ Толстой былъ бы...

Паровозъ далъ свистокъ и постепенно сталъ замедлять ходъ, приближаясь къ станціи.

Пассажиры засуетились, стали собирать свои вещи. Поднялись и мы, распрощались и стали выходить изъ вагона.

Ив. Бѣлоусовъ.

1908 г. августъ.

А. П. въ 90-хъ г.г.